

АГАТА ВЕБЕР

ПОХИЩЕННАЯ
НЕВЕСТА ГЕРЦОГА

18+

Агата Вебер

Похищенная невеста герцога

«Автор»

2026

Вебер А.

Похищенная невеста герцога / А. Вебер — «Автор», 2026

Благородная леди, воспитанная в строгости и чистоте, попадает в плен к опасному и харизматичному капитану пиратского корабля. Вместо грубого насилия он выбирает другой путь — медленное, изощрённое соблазнение. Каждое прикосновение, каждый взгляд, каждое запретное слово превращает её ненависть в жгучее, неодолимое влечение. Она пытается сопротивляться. Она ненавидит его. Ненавидит себя за то, что тело предаёт её снова и снова. Но чем сильнее она борется, тем глубже тонет в тёмной, страстной и опасной любви, которая начинается с похищения. Тёмная. Чувственная. Запретная. История о том, как ненависть может перерасти в самую сильную одержимость, а пират — в мужчину, готового ради неё на всё.

© Вебер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Агата Вебер
Похищенная невеста герцога

Глава 1

Сердце моё колотилось так сильно, что каждый удар отдавался тяжёлой пульсацией в висках и глубоко внизу живота, пока густой корнуолльский туман внезапно расступился и из его белёсой пелены, словно тёмный демон, вынырнул чёрный корабль. Я стояла на верхней палубе «Розы Йорка», вцепившись в холодные поручни так крепко, что костяшки пальцев побелели, и солёный атлантический ветер трепал мои золотые локоны, насмехаясь над моей беспомощностью. Мы покинули Плимут всего три дня назад, направляясь в Новый Свет, где меня ждала достойная жизнь благородной невесты, а теперь всё рушилось из-за этих морских разбойников.

Крики матросов разорвали тишину, но пираты двигались почти бесшумно, грациозно, будто само море предало меня. Абордажные крючья впились в борт с глухим стуком, и уже через мгновение сильные руки обхватили мою талию. Тепло чужих ладоней обожгло кожу сквозь тонкую ткань платья, и в воздухе мелькнула отвратительная зелёная искра — древняя магия коснулась меня первой.

— Отпустите меня немедленно, — произнесла я холодно и твёрдо, хотя внутри всё кипело от презрения. — Вы не имеете права прикасаться ко мне.

Меня понесли через палубу, где наши матросы уже позорно опускали оружие. Запах соли, кожи и сладковатого сандала обволакивал меня, вызывая глубокое отвращение. Я продолжала сопротивляться, но тело уже начинало предавать меня, и это лишь усиливало мою ненависть.

Дверь капитанской каюты открылась, и меня осторожно поставили на ноги посреди просторного помещения. Толстые восточные ковры, тёмное полированное дерево, магические кристаллы по углам, излучающие мерзкий зелёный свет. Воздух был густым, тяжёлым от ароматов вина, морской соли и глубокого мужского мускуса. Кристаллы пульсировали, посылая тёплые волны магии прямо под мою кожу, и я ненавидела это ощущение всем сердцем — оно заставляло тело откликаться против моей воли.

А в центре каюты стоял высокий, широкоплечий, с осанкой, которая вызывала во мне острое презрение своей надменной грацией. Волосы цвета воронова крыла были заплетены в аккуратные косы с серебряными нитями. На груди висел медальон — проклятый осколок древнего друидского кристалла, пульсирующий ядовитым зелёным светом. Глаза — глубокий изумруд с золотыми искрами магии — смотрели на меня спокойно, почти ласково. Это спокойствие бесило меня больше всего. Лицо его было слишком красивым для пирата: резкие скулы, сильная линия челюсти, лёгкая щетина, полные чувственные губы. Я ненавидела каждую черту этого лица.

— Вы, должно быть, невероятно довольны собой, капитан, — произнесла я, и в моём голосе звучало чистое, ледяное презрение. — Захватили благородную леди и притащили в свою каюту, словно трофей. Я презираю вас. Я ненавижу вас всем своим существом. Каждую вашу черту, каждое ваше движение.

Он медленно снял шляпу с длинным чёрным пером и поклонился мне с изысканной грацией.

— Меня зовут Рейнольд Блэквуд, — ответил он низким, бархатным голосом, от которого по моей коже против воли пробежала горячая волна. — А вы, миледи?

Я вскинула подбородок, глядя ему прямо в глаза с открытой ненавистью.

— Я леди Элизабет, — произнесла я твёрдо. — И я скорее умру, чем позволю такому, как вы, даже приблизиться ко мне.

Он улыбнулся медленно, и медальон на его груди ярко вспыхнул, посылая тёплую волну магии через всю каюту.

— Леди Элизабет... — повторил он моё имя так, словно ласкал его, и магия в его голосе обвила меня невидимыми нитями. — Я вижу, как горят ваши глаза от ненависти, как быстро поднимается и опускается ваша грудь. Древняя магия моря уже течёт в ваших венах, обостряя каждое чувство. Но вы побудете у меня в гостях. Здесь, в моей каюте. Я позабочусь, чтобы вам было тепло... очень тепло... и чтобы никто не смел вас обидеть.

— Как вы смеете называть меня страстной и говорить о магии в моих венах? — выдохнула я, голос дрожал от глубокого презрения. — Вы стоите здесь и смотрите на меня так, будто уже видите меня покорной в своей постели. Ваш голос — сплошное оскорбление, он ползёт по моей коже и заставляет тело предавать меня. А этот ваш проклятый медальон светится и посылает свою грязную магию прямо в мою кровь. Я чувствую её — эти отвратительные тёплые искры, которые заставляют меня... откликаться против моей воли. Я ненавижу вас так сильно, что готова выцарапать вам глаза. Вы мне отвратительны, капитан Блэквуд. Отвратительны каждой чертой вашего лица — ваши губы, ваша щетина, этот мерцающий кусок камня на вашей груди. Я презираю вас всем сердцем!

Рейнольд сделал полшага ближе. Его дыхание едва коснулось моей щеки, а медальон вспыхнул ещё ярче. Тонкие зелёные нити магии вырвались наружу и мягко обвили мои запястья, лаская кожу тёплыми вибрациями.

— Тогда продолжайте смотреть на меня с этой прекрасной ненавистью, леди Элизабет, — произнёс он тихо, но голос его был пропитан древней силой. — Смотрите на мои губы и представляйте, как они медленно скользят по вашей шее... по ключицам... ниже, туда, где ваша кожа уже пылает от магии. Этот медальон лишь усиливает то, что уже бурлит внутри вас. Я не буду спешить. Я хочу, чтобы вы сами захотели моих губ. Чтобы вы сами подошли и коснулись меня первой. Потому что я уже чувствую, как сильно ваше тело предаёт вас, несмотря на всю вашу ненависть. Вы очень страстная кошка, миледи. И я с удовольствием побуду вашим гостеприимным хозяином, пока древняя магия не заставит вас мурлыкать вместо того, чтобы шипеть.

— Вы наглый и самодовольный человек, — прошептала я, голос дрожал от негодования и стыда. Магия теперь пульсировала прямо между моих ног, вызывая сладкие, ритмичные вибрации, от которых бёдра предательски сжимались. — Вы думаете, что ваша магия и красивые слова смогут сломать меня? Что я когда-нибудь лягу в вашу постель и позволю вам ласкать меня, пока ваш проклятый медальон будет заставлять мою кровь кипеть? Никогда. Я ненавижу вас так сильно, что одно ваше присутствие вызывает во мне отвращение. Я ненавижу ваши глаза, ваш голос, вашу магию, которая заставляет мои соски твердеть до боли, а между ног становится влажно против моей воли. Я презираю каждую частицу вашего существа! Я чиста,

и вы никогда не получите того, что принадлежит только моему будущему мужу по праву крови и чести!

Мои собственные слова, произнесённые с такой силой, только подстегнули магию. Медальон вспыхнул ослепительно, и мощная тёплая волна прокатилась по моему телу, заставив самый чувствительный бугорок пульсировать в такт его сердцебиению. Я почувствовала, как девственная плоть между ног отозвалась на это прикосновение магии непривычным, пугающим теплом, и ненависть к себе и к нему вспыхнула с новой силой.

Глава 2

Он улыбнулся — медленно, почти печально, и эта улыбка вызвала во мне новый прилив жгучей ненависти, смешанной с унижительным желанием.

— Как сладко вы произносите слово ненависть, леди Элизабет, — тихо сказал он. — С дрожью в голосе и румянцем, который спускается на вашу грудь. Магия не лжёт — она лишь раскрывает правду, которую вы так отчаянно пытаетесь скрыть. Я подожду. Я очень терпелив. А пока отдыхайте. Если вам станет слишком жарко... или слишком одиноко в этой большой постели под светом кристаллов, просто позовите меня. Я приду. И тогда мы продолжим этот разговор... гораздо ближе. Я хочу услышать, как ваша ненависть постепенно превратится в стоны моего имени.

Когда дверь за ним тихо закрылась, я осталась одна, тяжело дыша от переполнявшей меня ненависти. Шёлк покрывала холодил ладони, но тело пылало предательским огнём. Его запах и зелёный свет магии всё ещё обволакивали меня, словно невидимые руки, которые я презирала всей душой.

Я медленно села на край кровати. Пальцы сами собой скользнули по шее, и там, где кожа встречалась с остатками магического свечения, пробегали яркие, ненавистные искры. Кожа была слишком чувствительной. Каждый лёгкий нажим вызывал дрожь, которую я ненавидела, потому что она спускалась ниже, к напряжённым, болезненно твёрдым соскам, а затем ещё ниже — туда, где между ног было горячо, обильно влажно и пульсировало против моей воли. Я, девственница из древнего благородного рода, никогда не испытывала ничего подобного. Это тело, которое я хранила для законного мужа, теперь предавало меня под действием чужой магии, и от этого предательства ненависть жгла меня изнутри.

Я жала бёдра так сильно, что почувствовала боль, но магия только усилилась, насмехаясь надо мной. Пальцы, дрожа от негодования и стыда, спустились ниже, едва касаясь набухшего, сверхчувствительного бугорка. Жар был мучительным — сладкий, унижительный, всепоглощающий. Волны качали корабль, и каждая качка отдавалась глубокой, влажной дрожью желания, которое я ненавидела всем сердцем, каждой каплей своей благородной крови.

«Я ненавижу его, — повторяла я про себя снова и снова, как единственное спасение. — Ненавижу его низкий бархатный голос, который проникает в меня против воли. Ненавижу его изумрудные глаза с золотыми искрами магии, которые раздевают меня взглядом. Ненавижу его проклятый медальон и эту древнюю силу, которая заставляет моё девственное тело предавать меня с такой унижительной готовностью. Я ненавижу каждое мгновение, проведённое в этой каюте, каждую волну тепла, что разливается по моей нетронутой коже. Я никогда не сдамся. Никогда не позволю этой магии и этому человеку коснуться того, что принадлежит только мне и моему будущему по праву крови и чести!»

Но даже в этих мыслях, пропитанных глубокой, жгучей ненавистью, уже звучала предательская дрожь желания, которую я презирала больше всего на свете.

Ночь опустилась на корабль тяжёлым, удушающим покрывалом. «Теневой Змей» медленно покачивался на волнах, и каждый тихий скрип дерева, каждый вздох моря отзывался

во мне острым, жгучим стыдом, достойным самой строгой викторианской морали. Я сидела на краю широкой кровати под чёрным шёлковым балдахинном, всё ещё полностью одетая в своё алое платье, которое теперь казалось мне неприлично открытым. Корсет сжимал грудь так сильно, что каждое дыхание заставляло тонкую ткань грубо тереться о напряжённые, болезненно твёрдые соски. Мне было невыносимо стыдно даже за эти невольные ощущения. Благородная леди не должна была замечать своё тело. Добродетельная девушка из хорошей семьи должна была оставаться холодной и чистой, как мраморная статуя, а не дрожать от постыдного тепла, разливающегося по коже.

Магические кристаллы в каюте горели ровным зелёным светом, но их пульсация становилась всё настойчивее, в такт моему сердцебиению. Тёплые волны магии скользили по коже, пробирались под платье, ласкали внутреннюю сторону бёдер и поднимались выше, к тому самому сокровенному, запретному месту, которое оставалось нетронутым и должно было оставаться таковым до брачной ночи. Я сжимала колени так крепко, что мышцы дрожали от напряжения, пытаюсь остановить это отвратительное тепло, которое собиралось между ног и делало меня влажной. Стыд обжигал меня изнутри. Как могла я, воспитанная в строгих правилах викторианской добродетели, позволить себе чувствовать такое? Леди не должна была даже думать о нижней части тела. Это было неприлично, греховно, позорно.

Дверь открылась почти беззвучно.

Рейнольд Блэквуд вошёл, неся поднос с едой. Свежий хлеб, сыр, спелые фрукты и графин с тёмным вином. Он поставил поднос на стол и отступил, но даже это небольшое движение наполнило каюту его присутствием так сильно, что воздух стал тяжёлым и густым.

— Вы не ели весь день, леди Элизабет, — произнёс он низким, бархатным голосом, который проникал прямо под кожу и заставлял меня дрожать от стыда. — Я не позволю вам голодать. Хотя бы попробуйте. Вино поможет успокоить нервы.

Я подняла на него взгляд, полный жгучего презрения и мучительного стыда.

— Вы действительно думаете, что можете войти сюда с едой и вином и сделать вид, будто это обычный вечер в приличном обществе? — мой голос дрожал, но в нём звучала неприкрытая ненависть, смешанная с глубоким унижением. — Я скорее умру от голода, чем приму хоть крошку из ваших рук. Вы пират. Колдун. Вы похитили меня и теперь пытаетесь медленно отравить меня своей магией. Я ненавижу вас за это спокойствие, за этот голос, за то, как ваш медальон продолжает светиться и посылать свою мерзкую силу в мою кровь. Я девственница, капитан Блэквуд. Моя чистота — это священный долг перед семьёй и будущим мужем. Воспитанная в строгих правилах добродетели, я должна оставаться нетронутой до брака. И я никогда, слышите — никогда! — не позволю вам коснуться того, что предназначено только для законного супруга. Мне так стыдно даже стоять здесь перед вами, зная, что ваша магия уже заставляет моё тело... реагировать так непристойно.

Он не двинулся с места, но его глаза потемнели, а медальон на груди вспыхнул ярче. Зелёный свет кристаллов в каюте усилился, и новая волна магии прокатилась по комнате, коснувшись меня. Я почувствовала, как она скользнула между моих сжатых бёдер, мягко надавила на чувствительный бугорок и вызвала резкую, сладкую пульсацию в самом центре моего нетронутого лона. Стыд ударил меня с новой силой — горячий, обжигающий, заставивший щёки

вспыхнуть ещё ярче. Как могла я, леди из приличного общества, позволить себе чувствовать такое низменное, животное возбуждение? Это было недопустимо для воспитанной девушки.

Глава 3

— Я знаю, кто вы, леди Элизабет, — ответил он тихо, но в его голосе теперь звучала тёмная, обволакивающая сила. — Знаю, что вы чисты. Именно поэтому я не спешу. Я не хочу брать вас силой. Я хочу, чтобы вы сами почувствовали, как сильно ваше тело уже тянется ко мне. Посмотрите на себя. Вы дрожите. Ваши соски так тверды, что видны даже сквозь платье. Ваши бёдра сжаты так отчаянно, словно вы боитесь, что они сами раздвинутся для меня. Магия лишь усиливает то, что уже горит внутри вас. И это вызывает в вас такой глубокий стыд, не правда ли? Стыд благородной леди, которая внезапно обнаружила в себе низменные порывы.

— Замолчите! — почти выкрикнула я, вскакивая на ноги. Голос сорвался, стал низким и хриплым от напряжения и стыда. — Вы лжёте! Вы и ваша проклятая магия пытаетесь сломать меня изнутри. Я чувствую, как она касается меня там, где ни один джентльмен никогда не должен был даже думать прикоснуться до брачной ночи. Как она заставляет мою девственную плоть набухать и становиться влажной. Это унижительно! Это отвратительно! Мне так стыдно, что я готова провалиться сквозь землю. Я ненавижу вас за каждую искру, которую вы посылаете в моё тело. Ненавижу, как тепло разливается по моей коже, как соски твердеют до боли от одного вашего взгляда, как между ног становится горячо и мокро, хотя я презираю вас всем сердцем. Я воспитана в строгих правилах викторианской добродетели — леди не должна испытывать подобных ощущений. Это грех. Это позор для всей моей семьи!

Рейнольд сделал один медленный шаг ближе. Теперь расстояние между нами было опасно маленьким. Я чувствовала тепло его тела, слышала его ровное дыхание. Медальон вспыхнул ещё ярче, и тонкие зелёные нити магии вырвались наружу, обвили мои щиколотки и медленно, очень медленно поползли вверх по ногам под платьем. Они ласкали кожу, вибрировали, заставляя чувствительные места откликаться сильнее. Стыд стал почти невыносимым — я чувствовала, как влага между ног становится обильнее, как девственная щель пульсирует от каждого прикосновения магии. Мне было стыдно до слёз за то, что моё тело вело себя так неприлично.

— Тогда ненавидьте меня сильнее, леди Элизабет, — прошептал он, и его голос стал ещё ниже, ещё опаснее. — Да, так чтобы это жгло вас изнутри. Но позвольте себе хотя бы поесть. Ваше тело устало. Ваша чистота делает вашу борьбу ещё прекраснее. Я вижу, как магия касается вас там, где вы наиболее уязвимы. Я не прикоснусь к вам сегодня. Но знайте: когда ваша ненависть начнёт таять, когда вы сами захотите почувствовать мои руки, я буду рядом. И тогда я покажу вам, насколько нежно и глубоко может быть прикосновение того, кого вы сейчас так отчаянно презираете.

Его слова ударили меня словно удар тока. Магия, усиленная ими, поднялась выше по моим бёдрам, едва коснулась краёв моей девственной щели и вызвала такую острую, сладкую волну, что колени подогнулись. Я едва удержалась на ногах. Слёзы бессильного стыда и злости выступили на глазах. Мне было невыносимо стыдно за то, как моё тело реагировало, за то, как сильно я уже текла, за то, что девственная часть меня, которую я так свято берегла в соответствии со всеми правилами приличия, теперь пульсировала от чужой магии.

— Убирайтесь, — прошептала я дрожащим голосом, почти умоляюще. — Я ненавижу вас и вашу магию. Ненавижу, как она заставляет моё нетронутое тело гореть и течь, хотя я

презираю вас каждой каплей крови. Мне так стыдно, что я едва могу смотреть на вас. И я буду ненавидеть вас всю эту ночь, пока не рассветёт. Я не сломаюсь.

Рейнольд отступил к двери, но перед тем, как выйти, посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом, полным тёмного обещания.

— Спокойной ночи, моя дикая кошка, — сказал он мягко, но в его голосе звучала скрытая сила. — Если холод или одиночество станут невыносимыми... или если магия начнёт ласкать вас слишком настойчиво там, где вы наиболее чувствительны... просто позовите меня. Я приду. И я буду держать вас так близко, как вы того заслуживаете.

Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Я осталась одна в полумраке, тяжело дыша от стыда и ненависти. Шёлк простыней под мной казался слишком гладким, слишком соблазнительным. Я легла, не раздеваясь, и свернулась в тугой клубок, пытаюсь унять дрожь, которая сотрясала всё тело. Но магия не ухнула. Зелёный свет кристаллов пульсировал настойчиво, посылая тёплые волны прямо к моему лону. Я чувствовала, как девственная щель набухает, становится горячей и влажной, как клитор пульсирует в такт биению медальона за дверью. Стыд обжигал меня изнутри — я, благородная викторианская леди, лежала здесь и текла от одной только магии пирата. Мне было невыносимо стыдно за каждую каплю влаги, за каждую пульсацию, за то, что моё чистое тело вело себя так неприлично и греховно.

«Я ненавижу, — шептала я в темноту, прижимая ладонь к груди, где сердце билось как пойманная птица. — его голос, его глаза, его магию, которая касается меня там, где я никогда не позволяла даже себе. Я девственница. Я чиста. Я воспитана в строгих правилах викторианской добродетели и буду хранить эту чистоту, даже если мне придётся ненавидеть его каждую секунду этой ночи, даже если стыд будет жечь меня сильнее, чем любое пламя...»

Но тело продолжало предавать меня. Волны качали корабль, и каждая качка отдавалась глубокой, мучительной дрожью желания в самом сокровенном месте. Я сжимала бёдра до боли, пытаюсь заглушить это нарастающее, невыносимое напряжение, и стыд, смешанный с ненавистью, становился всё острее, всё глубже.

Утро пришло медленно, пробиваясь сквозь иллюминатор тонкими золотыми лучами, и я проснулась с тяжёлым, жгучим ощущением стыда, который проник в каждую клеточку моего существа. Тело ныло от напряжения всей прошедшей ночи: корсет врезался в кожу, платье смялось, а между ног всё ещё сохранялась предательская влажность, напоминавшая о том, как чужая магия касалась моего девственного тела. Я лежала здесь, в каюте разбойника и пирата, и чувствовала, как внутри меня разрывается на части всё, что я когда-либо считала священным. Сердце билось слишком быстро, ум твердил, что это мерзость, грех и предательство собственного долга перед честью рода, перед будущим мужем, перед Святым и собой самой, а тело... уже тянется к нему, жаждет его тепла, его голоса, его магии, словно я какая-то низменная, недостойная тварь. Я ненавидела себя за эту слабость, как говорила моя мама благородная леди должна оставаться холодной и недоступной, как мраморная статуя в отцовском поместье, а я лежала в каюте этого пирата и чувствовала, как между ног снова собирается тепло, как соски затвердевают под корсетом при одном воспоминании о его взгляде. Это было невыносимо. Это было греховно.

Глава 4

Я села на кровати, пытаюсь привести себя в порядок, когда дверь открылась. Он вошёл первым, держа в руках лёгкое платье из тончайшего льна и кружев — явно захваченное в каком-то рейде. Ткань была изысканной, почти прозрачной на свету. За ним следовали двое крепких матросов с большими деревянными вёдрами, полными горячей воды. Они молча направились в дальний угол каюты, где стояла большая медная ванна, скрытая за ширмой из тёмного шёлка. Я замерла, чувствуя, как кровь приливает к лицу от глубокого унижения.

— Что это значит? — произнесла я дрожащим голосом, полным негодования и стыда. — Вы привели сюда этих людей, чтобы они наполняли ванну в моём присутствии? Словно я уже принадлежу вам и не имею права на скромность?

Он поднял руку, и матросы быстро и деловито вылили воду в ванну, добавили ароматических трав и вышли, тихо закрыв за собой дверь. Теперь мы остались одни, но воздух в каюте стал ещё тяжелее и гуще. Он аккуратно положил платье на стул рядом с кроватью.

— Это моя каюта, — произнёс он спокойно, но в его низком бархатном голосе звучала твёрдая, собственническая нотка. — Я позволил вам занять её на ночь, чтобы вы могли отдохнуть в относительном комфорте. Однако сегодня я приду к вам. Вы не посмеете отказать мне в этом праве. Я буду здесь, в этой каюте, и вы проведёте время в моей компании, хотите вы того или нет, а это платье — для вас. Оно легче и чище вашего. Я подумал, что после ванны вам будет удобнее.

Его слова ударили меня, как пощёчина, вызвав новый прилив жгучего стыда и внутреннего разрыва. Сама мысль о том, что он будет находиться здесь, пока я моюсь за ширмой, и что он уже приготовил для меня одежду, казалась мне невыносимо неприличной и унижительной.

— Вы не посмеете, — выдохнула я, голос дрожал от возмущения и глубокого унижения. — Это переходит все границы приличия. Я благородная леди, а не ваша пленница для развлечений. Вы не имеете права приходить ко мне в каюту и вести себя так, будто я уже ваша собственность. Мне стыдно даже слышать такие слова от вас, а уж принимать от вас платье... это вовсе недопустимо.

Он сделал шаг ближе, и его глаза, полные глубокого изумрудного огня, вспыхнули золотыми искрами древней друидской магии. Медальон на его груди ожил ярче, и я почувствовала, как древняя сила, заключённая в нём, потянулась ко мне — не просто тепло, а живая, пульсирующая энергия моря и старых корнуольских лесов, которая умела проникать в кровь, в дыхание, в самые сокровенные уголки тела.

— Я имею право, — ответил он тихо, но в его голосе теперь звучала тёмная, обволакивающая сила, усиленная магией. — Это моя каюта, мой корабль, и вы — моя гостья, которую я желаю видеть рядом с собой. Я приду к вам сегодня вечером, когда вы будете отдыхать после ванны. Я буду сидеть здесь, смотреть на вас и говорить с вами так близко, как пожелаю. Вы не посмеете выставить меня за дверь. Потому что где-то глубоко внутри вы уже чувствуете, как сильно ваше тело откликается на моё присутствие, даже если ваш гордый ум пытается это отрицать.

В тот же миг медальон послал тонкую, почти невидимую зелёную нить магии, которая скользнула по воздуху и мягко коснулась моей груди, прямо над корсетом. Я ощутила, как древняя сила проникла сквозь ткань, коснулась кожи и медленно, очень медленно начала пульсировать в такт моему сердцу. Тепло разливалось глубже — в живот, в бёдра, в самое сокровенное место, заставляя девственную плоть набухать и отзываться сладкой, мучительной дрожью. Магия была не просто соблазном — она была живой памятью моря, которая умела находить самые скрытые желания и обострять их до невыносимости.

Святой милостивый... — мысли кричали внутри меня с отчаянной, разрывающей силой. Сердце трепещет так громко, что я боюсь, он услышит, ум требует немедленно отказаться и сохранить достоинство, честь семьи и свою чистоту, а тело... уже представляет, как он будет сидеть рядом, как его голос будет обволакивать меня, как эта древняя магия снова коснётся моей кожи и заставит меня течь ещё сильнее. Я не могу позволить себе хотеть его. Я ненавижу себя за то, что хочу.

Я сжала кулаки, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, хотя он предательски дрожал.

— Вы слишком самоуверенны, — произнесла я, глядя ему прямо в глаза. — Вы думаете, что можете войти сюда, когда пожелаете, и заставить меня терпеть ваше присутствие? Я ненавижу вас за эту дерзость, то, как вы стоите здесь и говорите со мной так, будто уже владеете мной, и ещё предлагаете мне своё платье, словно я уже ваша кукла. Я воспитана в строгих правилах добродетели, где леди не должна оставаться наедине с мужчиной без сопровождения. А вы заставляете меня чувствовать это неприличное тепло, эту постыдную дрожь в теле...

Он подошёл ещё ближе, теперь между нами оставалось меньше шага. Медальон вспыхнул ещё ярче, и новая волна магии вырвалась наружу — более густая, более настойчивая. Она обвила мои запястья лёгкими светящимися нитями, не удерживая, а лишь лаская кожу тёплыми, ритмичными вибрациями, которые проникали глубже, в кровь, в самую суть моего существования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.